

Кроме музыки, меня ничего не интересует

Елена КУЗНЕЦОВА

— Илья, зритель запомнил вас главным образом по передаче «Акулы пера». Это был ваш дебют на телевидении?

— Да нет, на телевидении я начал работать существенно раньше — еще в 1993 году пришел в программу «Музобоз» корреспондентом.

— Логично предположить, что вы окончили журфак...

— Как раз нет, по образованию я инженер-строитель, учился в МИСИ. На телевидение я попал довольно странно. Все началось с того, что после второго курса мне совершенно было нечего делать, и я пошел курьером в газету. Когда же закончил четвертый курс, то окончательно понял, что в газете работать интереснее.

— Чем же? Понравилась обшая атмосфера?

— Это было немножко сумасшедшее время — перестройка только начиналась, можно было говорить всю правду, а продукты еще не исчезли и цены еще не отпустили. Всюду витал шальной ветер свободы, всем это жутко нравилось, и мне, наверное, в том числе. Поэтому я подумал: почему бы не попробовать? Пришел в газету и предложил несколько переводов статей с французского языка. Мне сказали: ну не совсем ужасно, однако, лучше попробуй написать что-нибудь сам. Так получилось, что в отделе, куда я пришел, — а он занимался развлекательными публикациями, — было негусто с кадрами, и меня взяли. А потом уже, трезво рассудив, что одна зарплата — хорошо, а две, наверное, существенно лучше, и предварительно узнав, что в телепередаче «Музобоз» требуются несколько новых корреспондентов, я обратился с предложением взять меня к Ивану Ивановичу Демидову.

— А в МИСИ-то обучились?

— Да, самоотверженно закончил институт, защитил диплом на «тройку». Я дипломированный специалист.

— Довелось хоть немножко поработать по специальности?

— Нет, дело в том, что на одной из последних сессий дяденька, который преподавал строительную механику, — есть такой мудреный предмет — поставил мне «тройку» только при условии, что ноги моей не будет на строительной площадке. С тех пор я держу это обещание.

— И для себя ничего не строили? У вас же маленькая дочка — не ровен час попросит качели, скамеечку, песочницу на даче соорудить...

Илью Легостаева — симпатичного юношу с нордическим характером и острым языком — зритель наверняка помнит еще с тех времен, когда Илья вел развлекательное ток-шоу «Акулы пера». После этого он успел поработать на разных телеканалах — ведущим утреннего информационного канала на «России», музыкальной передачи «Серебряный диск» на ТВЦ, а также в качестве музыкального критика в одной из столичных газет. Несколько недель назад Илья приступил к освоению нового телепространства — программы «Утро» на НТВ. Что привлекает «акулу пера» в телевидении, а что заставляет снова и снова «уходить на дно»? Что значит в дипломе у музыкального критика? Каким он представляет своего зрителя? Об этом мы узнали из первых уст.

— На днях я с чудовищным напрягом собрал стол из «ИКЕА» — и думаю, что на этом мои инженерные изыскания, к сожалению, заканчиваются.

— Ну хорошо. Вы пришли на телевидение, в «Музобоз», и просто сказали «хочу»?

— Да, я попросился в «Музобоз», мне предложили снять пробный сюжет. Помню, снял сюжет про концерт Валерия Леонтьева, и, видимо, из-за того, что нужно было срочно кого-то брать, — начался новый сезон — мне разрешили там работать. Потом интересы телекомпании «ВИД» распространились на ТВ-6, и они стали делать первые развлекательные программы. И вот их первым проектом была передача под названием «Постмузыкальные новости», это была калька с новостей МТВ, только с нашим содержанием и с нашими лицами. Я там проработал около года. Когда же появилась студия, чтобы делать полноценное развлекательное шоу, возникла идея ток-шоу «Акулы пера», и нужно было очень быстро запуститься, потому что идея была не Бог весть какая и на других каналах могло запросто появиться что-то подобное. И тогда Иван Иванович Демидов, опять же, предложил мне попробовать, пока они кого-нибудь не найдут, опять же, взяв первое, что было под рукой. Но, видимо, в итоге я им подошел. В результате «Акулы» выходили в эфир четыре года.

— Помните, эта программа была как глоток свежего воздуха. Такие острые темы поднимались, а богемные журналисты громилы почем зря лещеных поп-звезд...

— Да, тогда сама профессия светского и музыкального журналиста была в новинку, и всем было интересно, что же эти люди из себя представляют, как они ведут себя. Ну а когда выяснилось, что все эти люди — маргиналы и ведут себя довольно дико, передача стала сильно популярной. Ну

еще из-за того, что мы были первыми.

— А как вы справлялись с собственной популярностью? Могу себе представить — симпатичный мальчик, телезвезда...

— Да никак. Я все это время ездил на метро и на другом общественном транспорте. Время от времени меня, конечно, узнавали, но, сказать, чтобы была истерика, — нет. Я, наверное, очень сильно отличаюсь от того приодетого, напомаженного типа, который был в «яшике», и поэтому меня очень редко представляют таким вот мирным человеком. И потом, вся эта публика была довольно экзальтированная, малолетнего возраста, поэтому все, что происходило, можно было принимать за анекдот. Серьезно к этому относиться — Боже упаси. Вообще, мне кажется, строить свой образ жизни в расчете на то, что ты будешь популярным человеком и будешь скрываться от толпы, просящей автограф, — это недальновидный поступок.

— Ну вы же сами знаете: именно так ведет себя большинство телезвезд...

— Поверьте, честное слово, — от недостатка извилин все это. Люди, действительно знаменитые, те, с которых стоит брать пример, к популярности относятся самоиронично.

— При том, что у вас удачно складывалась работа на телевидении, вы продолжали все время работать и в газете. Какое занятие вы считаете основным?

— Я считаю, что в газете у меня основная работа на том простом основании, что там мне проще ориентироваться.

В газете ты сам пишешь заметку и ты сам в ответе за каждую строчку, и если что-то не получается, то и идиот только ты. Телевидение же — это командный вид спорта, и не все от тебя зависит. Может что-то не получится у редактора, что-то не выйти у режиссера, какие-то проблемы возникнут у осветителя, но идиотом все равно будешь ты. Поэтому всякое мое высказывание в телеиндустрии всегда сопровож-

далось скрупулезным осматриванием тех людей, с которыми я буду работать. Может, поэтому я на телевидении гость нечастый.

— Судя по вашему рассказу, в музыкальную журналистику вы попали случайно, но так там и остались...

— Я могу показаться дебилом-переростком, но до сих пор меня больше ничего не интересует. Я — очень узкопрофилированный тип, и мне все еще нравится все, что связано с музыкой. Для меня это абсолютно волшебный мир, и то, что мне удается к этому миру прикоснуться, и еще и за это деньги получать — настоящая удача, на мой взгляд.

— От многих других коллег вы отличаетесь острым языком...

— Ехидством.

— Именно. Причем ехидство в вас в основном направлено на отечественную эстраду. При этом вы говорите: волшебный мир музыки... Значит, какую-то музыку вы все-таки считаете волшебной?

— У меня вообще нет претензий ни к какой музыке, если она делается честно, то есть она должна честно писаться, записываться и живьем исполняться на концертах. Так уж получилось, что 90% нашей клиентуры этим не зани-

мается, что, на мой взгляд, ну очень плохо. Они сами ничего не придумывают, за них все делают какие-то дядьки, а они еще и под фанеру все это исполняют. И это абсолютно неприемлемо. А то, что подобный стиль мышления насаждают сейчас на телевидении, — это, конечно, очень плохо.

— Помните, когда вы на обсуждении «Евровидения» резко высказывались в адрес Юли Савичевой в частности и «Фабрики звезд» в целом, у вас спешно отнимали микрофон...

— На мой взгляд, это чистой воды музыкальный путинизм — когда нет никакой альтернативы. Что самое страшное — большинство людей в стране посмотрят телевизор и подумают: а в артисты-то попадают вот так. Но это же неправильно. В артисты должны попадать люди, которые любят и хотят заниматься музыкой, ее сочинять и разрабатывать новые музыкальные идеи. И ведь есть целый пласт таких людей, но беда в том, что их не показывают по телевидению. Нельзя же при этом говорить, что только так и можно стать звездой — быть идиотом из глубинки, чтобы тебя привезли, посадили под колпак, чтобы дядьки стали над тобой колдовать, как над роботом, а потом ты выйдешь и споешь перед «Олим-

пийским» — это же полный бред. И это на главном канале, причем общественном!

— Были ли у вас при таких смелых речах конфликты со звездами?

— Тыфу-тыфу-тыфу — ни разу еще не было. А потом, надо сказать честно, что даже самые ехидные материалы выложены с одной сверхзадачей — ни в коем случае человека не оскорбить, потому что это является уже настоящим дурным тоном. Можно в чем-то усомниться, подвергнуть иронии, но никогда нельзя переходить на личности. Это табу.

— А сами вы не музицируете часом?

— Я, как и все музыкальные журналисты, — неудавшаяся рок-звезда. Силенок не хватило на создание всего этого дела, поэтому пришлось потратить их на обозрение. Другое дело, быть рок-артистом у нас в стране очень некомфортно, поэтому я, наверное, не жалую, что не срослось.

— Недавно вы стали вести «Утро» на НТВ. Не смущает, что при вашей музыкальной узкопрофильности вам нужно делать подводки к сюжетам и говорить с самыми разными гостями?

— Сама идея утреннего канала мне симпатична. Это передача развлекательная, и все там чувствуют себя неформально, и в общем-то сама аура, которая царит в этой программе, мне приглянулась. С другой стороны, я подумал: если мне предлагают практически в предпенсионном возрасте работать на одном из центральных каналов, почему бы и не попробовать?

— Что это вы все — переросток, предпенсионный возраст? Тяжело взрослеете?

— Нет-нет, я достаточно спокойно к этому отношусь. Другое дело, что журналисты живут весьма насыщенной жизнью — у них год за два, поэтому возникает ощущение, что ты этим уже очень давно занимаешься. Но меня это несколько не корбит — сил пока хватает.

— Легко привыкли работать в манере «Утра» на НТВ?

— Я на «Утро» пришел совсем недавно, месяц назад. После долгой работы в ток-шоу я привык к разным людям, и для меня не представляет проблемы подстроиться под человека. Там, правда, довольно большая студия, много камер и лихих передвижений, и вот тут я привык к нескольким дням. Со стороны это вроде бы незаметно, но, когда там сидишь, не знаешь, кто тебя снимает и куда надо смотреть. Но это мелочи.

— У вас несколько работ. На воспитание дочери время-то остается?

— Дашке сейчас полтора года. Я всегда стараюсь помогать, потому что знаю, что заниматься ребенком непросто. Я могу погулять, накормить, уложить, вымыть — все, что угодно. Вообще-то дети — довольно проблемная категория населения, но при этом я понимаю, что дороги назад нет, и, если уж дочка появилась, надо делать как можно больше для того, чтобы она выросла приличным человеком.

— Стилисты НТВ с вами уже успели поработать?

— Со мной толком ничего не делали. Там, конечно, есть одежда для эфиров, но она не сильно отличается от того, что я ношу сам. На НТВ достаточно хитрый стилистический коллектив, который хорошо понимает, что людей можно и нужно переодеть, но не до такой степени, чтобы они выглядели переодетыми. Тонкость, но она всегда работает.

— Насколько реально, что, выучившись на инженера и поработав в журналистике, вы однажды откроете для себя новую специальность?

— Мне бы очень не хотелось. По мне, так журналистика — это такая сфера деятельности, которую придумали специально для того, чтобы оградить от общества всех бездельников, тунеядцев и алкашей. Ну а если кто-то еще умеет писать заметки, если это получается у него органично на протяжении долгого времени, если он не начинает стареть и нудить — это дар свыше, и надо его эксплуатировать, пока не надоест совсем.

— У вас несколько работ. На воспитание дочери время-то остается?

— Дашке сейчас полтора года. Я всегда стараюсь помогать, потому что знаю, что заниматься ребенком непросто. Я могу погулять, накормить, уложить, вымыть — все, что угодно. Вообще-то дети — довольно проблемная категория населения, но при этом я понимаю, что дороги назад нет, и, если уж дочка появилась, надо делать как можно больше для того, чтобы она выросла приличным человеком.